Заключение и предложения. Таким образом, лексико-семантический аспект репрезентации семейных ценностей в творчестве Л.Петрушевской является многогранным и сложным, связывающим язык и культуру, внутренний мир героев и их отношения с окружающими. Через лексическую систему и семантические элементы писатель рисует глубокие и многозначные картины семейных переживаний, где сочетаются как трагичные, так и утопические образы.

Список использованной литературы:

(1). Улицкая Л.Е. Казус Кукоцкого. "Новый мир", № 8–9, М., 2000.
(2). Улицкая Л.Е. Лестница Якова. М., "Астрель", 2015, с. 732.

Хазраткулова Феруза Турдимурод кизи (НУУ докторант 2-курса; feruza_khazratkulovaa@mail.ru)

РАСТЕНИЯ И СМЕРТЬ: УТРАТА И ГОРЕ, ВЫРАЖЕННЫЕ ЧЕРЕЗ ЦВЕТЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. *Статья представляет сжатое лингвопоэтическое исследование флористической/ботанической образности в репрезентации смерти и утраты в английской литературе с фокусом на трагедиях У.Шекспира – Гамлет, Отелло, Ромео и Джульетта. На основе сравнительно-аналитического метода системно рассматриваются поэтические функции цветочной символики, её культурные и интертекстуальные основания, а также эстетическая роль в драматической композиции. В качестве кейсов анализируются «документ безумия» Офелии (раздаривание воображаемых цветов), «Песня ивы» Дездемоны и наложение свадебного и погребального кодов в Ромео и Джульетте. Показано, что природные символы у Шекспира не декоративны, а функционируют как культурно-лингвистический код, через который артикулируются психологическая глубина и философские размышления о жизни и смерти. Результаты уточняют поэтику Шекспира, высвечивая взаимодействие символического языка, культурной традиции и повествовательной структуры, и предлагают методологическую базу для дальнейших сопоставительных исследований флористических мотивов в различных культурных контекстах; работа вносит вклад в литературную семиотику и культурную лингвистику.*

Ключевые слова: *поэтика Шекспира, Цветочная и ботаническая символика, Драматургия трагедий, Лингвопоэтический анализ, Семиотика и система символов, Культурный контекст елизаветинской эпохи, Этноботаника, Контекстуальный подход, Метод сравнительного анализа, тотивы смерти и скорби.*

Xazratqulova Feruza Turdimurod qizi (O'zMU 1-kurs doktoranti; feruza_khazratkulovaa@mail.ru)

O'SIMLIK VA O'LIM: INGLIZ ADABIYOTIDA GULLAR ORQALI IFODALANGAN YO'QOTISH VA QAYG'U

Annotatsiya. *Maqola ingliz adabiyotida, xususan, U.Shekspir tragediyalarida o'lim va yo'qotish motivlarining badiiy ifodasida gul va o'simlik obrazlarining semantik hamda madaniy-funksional o'rnini lingvopoetik rakursda tadqiq etadi. Korpus–Hamlet, Otello, Romeo va Julyetta; usul – qiyosiy-tahliliy. Tahlil shuni ko'rsatadiki, Ofeliya gullari, "Tol qo'shig'i" va to'y-motam sahnalaridagi floral kodlar qahramon ruhiyati, motam kayfiyati va hayotning o'tkinchiligi singari mazmunlarni ixcham metaforik ramzlar orqali uyg'un aks ettiradi. Natijalar Shekspir poetikasida tabiat obrazlari dramatik struktura bilan semantik uyg'unlikda ishlashini, ularning lingvokulturologik ildizlari va estetik qiymatini ochib beradi hamda ingliz adabiyotida ramziy obrazlar funksiyasini chuqurroq anglash va keyingi tadqiqotlar uchun metodik asos yaratadi.*

Kalit so'zlar: *Shekspir poetikasi, gul va o'simlik ramzlari, tragediya dramaturgiyasi, lingvopoetik tahlil, semiotika va ramzlar tizimi, Elizabethan davri madaniyati, etnobotanika, kontekstual yondashuv, qiyosiy tahlil metodologiyasi, o'lim va qayg'u motivlari.*

Xazratqulova Feruza Turdimurod qizi (NUU doctorate student; feruza_khazratkulovaa@mail.ru)

PLANTS AND DEATH: LOSS AND GRIEF AS EXPRESSED THROUGH FLOWERS IN ENGLISH LITERATURE

Annotation. *This study offers a concise linguopoetic account of floral and botanical imagery in the representation of death and loss in English literature, with primary focus on Shakespeare's Hamlet, Othello, and Romeo and Juliet. Using comparative–analytical methods, it examines the poetic function of floral symbols, their cultural and intertextual bases, and their aesthetic roles in dramatic structure. Case analyses include Ophelia's symbolic distribution of flowers in Hamlet, Desdemona's "Willow Song" in Othello, and the coupling of nuptial and funerary motifs in Romeo and Juliet, where floral signs articulate grief, memory, psychological crisis, and life's transience. The findings show that Shakespeare's nature*

imagery is not decorative but a linguistic–cultural code through which psychological depth and philosophical reflections on life and death are conveyed. The study refines Shakespearean poetics by highlighting interactions among symbolic language, cultural tradition, and plot design, and it provides a methodological basis for comparative research on floral motifs across cultures within literary semiotics and cultural linguistics.

Key words: *Shakespearean poetics, floral and botanical symbolism, tragic dramaturgy, linguopoetic analysis, semiotics and symbol systems, Elizabethan cultural context, ethnobotany, contextual interpretation, comparative analysis methodology, themes of death and mourning.*

Введение. В английской литературе мотивы природы и растений на протяжении веков несут значительную семантическую нагрузку, выступая центральными символами выражения философских, эстетических и культурных воззрений (Shakespeare Birthplace Trust, 2023; Mullan, 2018). Особенно цветы обладают многослойной символикой, через которую поэтически репрезентируются жизнь и смерть, любовь и утрата, невинность и гибель (Greenblatt, 2010). Хотя «язык цветов» обычно связывают с викторианской эпохой (Seaton, 2012), поливалентные флористические значения уже заметны в искусстве Ренессанса – прежде всего у Шекспира, где они образуют интегральную часть драматургии (Shakespeare.org.uk, 2023). Шекспир употребляет свыше 180 наименований растений и цветов, используя природную образность как семантический и психологический инструмент (Garber, 2004). В трагедиях флористические символы двуполюсны: они маркируют красоту и чистоту, одновременно сигнализируя преходящесть и распад (Blake, 2011). Миф о Прозерпине/Персефоне, похищенной во время собирания цветов, подкрепляет прочтение цветения как эмблемы порога жизни и смерти (Hamilton, 1998).

Соответственно, в Гамлете эмблематическое раздаривание цветов Офелией на фоне её душевного распада и погребальные флористические детали усиливают трагическую фактуру (Thompson &Taylor, 2006); в Отелло «Песня ивы» предвосхищает катастрофу (Shapiro, 2005); в Ромео и Джульетте любовь переплетена со смертью через образы цветов и лекарственных трав (Shapiro, 2005). Актуальность исследования состоит в системном описании лингвопоэтической роли растительной/флористической символики у Шекспира, проясняющем семантическую архитектуру пьес и их культурную контекстуальность (Bloom, 1999). Выходя за пределы шекспироведения, анализ формирует теоретическую основу лингвокультурной интерпретации символических систем английской литературы и методологическую платформу для сравнительных исследований параллельной символической семантики в разных эпохах и культурах.

Обзор литературы. Корпус шекспировских текстов – прежде всего флористическая/ботаническая образность в трагедиях – на протяжении столетий остаётся в фокусе исследований. У. Шекспира природа не декоративна, а служит первичным семантическим инструментом, структурируя развитие сюжета, психологию персонажей, усиливая конфликт и артикулируя философские идеи (Spurgeon, 1935; Garber, 2004; Bloom, 1999). Цветочно-растительные образы образуют глубокие слои языковой структуры и действуют как интегральные элементы поэтико-семантической системы; потому их изучение ведётся на стыке филологии, культурологии, семиотики и лингвопоэтики (Ellacombe, 1878; Thompson & Taylor, 2006).

В елизаветинской Англии такая образность напрямую соотносилась с широкой эмблематической культурой: эмблемные книги, гербовые репертуары и популярные ботанические знания «обучали» зрителя мгновенно считывать растительные символы (Seaton, 2012; Shakespeare Birthplace Trust, 2023). Каждому виду соответствовала определённая семантическая нагрузка, соотносящая моральные концепты, философские идеи и культурные ценности (Hamilton, 1998). В лингвопоэтическом анализе эти образы функционируют как «культурный код», внедряющий социокультурный контекст эпохи (Lotman, 1990; Eco, 1976). Исследователи показывают, что природные метафоры и символы подпирают семантический и композиционный дизайн пьес (Spurgeon, 1935; Garber, 2004; Greenblatt, 2010): «гнилой сад» в Гамлете репрезентирует моральный распад Дании, тогда как формула the body is a garden; the will, the gardener в Отелло кодирует философию агентивности (Dowden, 1875; Shapiro, 2005). Тем самым природная образность центрирует социально-философский смысл.

Современные подходы – лингвопоэтика, экокритика, культурная лингвистика – переосмысляют эти образы как интертекстуальные сети знаков, связанные с мифологическими, библейскими и фольклорными источниками (Bakhtin, 1981; Fowler, 1986; Bath, 1994; Egan, 2006). Парадигматичен образ Офелии: в сцене «безумия» она «раздаёт» эмблематические цветы (fennel, violet, daisy, columbine, rue), каждый из которых несёт кодифицированные моральные, религиозные или философские значения в елизаветинской культуре (Gerard, 1597; Ellacombe, 1878). Феминистские чтения трактуют букет как символический «сценарий» женского голоса и страдания при патриархате (Showalter,

1985); редакторские исследования выводят сцену к эмблемным книгам как «ботаническую семиотику» на сцене (Thompson&Taylor, 2006). Миф о Прозерпине/Персефоне закрепляет флористические знаки на пороге жизнь/смерть (Hamilton, 1998; Greenblatt, 2010; Shapiro, 2005). Публичные проекты вроде Ophelia's Garden визуализируют этот код для зрителя (Utah Shakespeare Festival, 2019). В Отелло «Песня ивы» Дездемоны активирует традиционный индекс женской скорби и утраты, работая как предвосхищение (Neely, 1985; Shapiro, 2005; Garber, 2004). В Ромео и Джульетте монолог брата Лоренцо о травах соединяет целительное/токсическое двуединство лекарственных растений, тематически сплавляя любовь и смерть (Thomas, 1983; Shapiro, 2005); роза конденсирует красоту и преходящесть в символике Ренессанса (Shakespeare Birthplace Trust, 2023; Bath, 1994; Manning, 2002).

Функции. (i) предвосхищение (foreshadowing) – «Песня ивы» (Neely, 1985; Garber, 2004); (ii) психологическая визуализация–экстериоризация внутренних состояний (цветы Офелии) (Showalter, 1985; Thompson & Taylor, 2006); (iii) философско-культурное моделирование – интеграция жизнь/смерть, красота/непостоянство, любовь/трагедия (монолог брата Лоренцо) (Shapiro, 2005; Thomas, 1983). Семиотика проясняет частные соотнесения–ива: женская скорбь; розмарин: память/верность; фиалка: утончённость/ранняя смерть; водосбор (columbine): вероломство/непостоянство – опосредуя культурную коммуникацию автор–аудитория (Ellacombe, 1878; Gerard, 1597; Lotman, 1990; Eco, 1976; Seaton, 2012). Итак, ботаническая образность Шекспира выражает эстетический эффект и эпистемическое содержание, действуя как метатекст, который разъясняет тематические ядра и отражает мировидение эпохи; новейшие экокритические и цифрово-гуманитарные исследования продолжают картировать эту символическую систему (Egan, 2006; Greenblatt, 2010; Shakespeare Birthplace Trust, 2023).

Методология исследования. Цель – лингвопоэтический анализ того, как смерть и скорбь кодируются через флористико-ботаническую образность в трагедиях Шекспира; применён сравнительный метод (Fowler, 1986; Lotman, 1990), позволяющий сопоставлять шекспировские символы и выявлять межэпохальные/межкультурные параллели. Корпус: Гамлет, Отелло, Ромео и Джульетта, где растительные образы несут ключевую семантическую нагрузку в психологической и драматической структурах (Spurgeon, 1935; Garber, 2004).

Сначала идентифицированы и отдельно проанализированы ведущие ботанические мотивы: сцена раздачи цветов Офелией в Гамлете (Showalter, 1985; Thompson & Taylor, 2006); «Песня ивы» Дездемоны в Отелло (Neely, 1985); свадебно-похоронные ритуалы и травологический монолог брата Лоренцо в Ромео и Джульетте (Shapiro, 2005; Thomas, 1983). Их семантические, культурные и психологические слои изучались контекстуально; далее результаты сопоставлялись для фиксации конвергенций/дивергенций и объяснения драматургических функций символов (Dowden, 1875; Bloom, 1999).

Использованы авторитетные научные издания и комментированные серии Oxford и Arden для обеспечения лингвистической точности и исторического контекста (Thompson&Taylor, 2006; Shakespeare, various editions). Для реконструкции эпохальных значений флоры привлечены елизаветинские ботанические источники: Gerard, The Herbal or General History of Plants (1597); Lyte, перевод Cruydeboeck (1578); а также каталог флористического фольклора Ellacombe (Gerard, 1597; Lyte, 1578; Ellacombe, 1878). В рамках методологии использованы этноботанические и фольклорные материалы: культурно-специфические смыслы и мифологические корни фенхеля, фиалки, ромашки и водосбора, названных Офелией (Hamilton, 1998; Utah Shakespeare Festival, 2019); в частности, связь фиалки с мифом о Персефоне, маркирующая хрупкость и раннюю смерть (Hamilton, 1998; Greenblatt, 2010).

Сравнительное расширение включало параллели с иными эпохами и культурами: чтение флористической символики Гамлета в сопряжении с романтической поэзией (Wordsworth, 1807) и европейским фольклором (Terras, 1992; Cavanagh, 1994; Manning, 2002; Bath, 1994). Аналитически интегрированы контекстуальное чтение и символико-семиотическая интерпретация с учётом сценографии, историко-социального фона, психологии персонажей и знаковых систем (Bakhtin, 1981; Harrison, 1991; Lotman, 1990; Eco, 1976). Лингвопоэтический подход оценивал эстетико-функциональную роль единиц и образов; ботанические фигуры выступают не орнаментом, а организующими маркерами действия (напр., монолог брата Лоренцо о травах кодирует дуальность жизнь/смерть) (Spurgeon, 1935; Fowler, 1986; Shapiro, 2005; Thomas, 1983). Интердисциплинарный дизайн — ботаника, фольклор, мифология, семиотика, лингвистика – углубляет понимание драматических, психологических и культурных функций флористической образности у Шекспира, формируя надёжную теоретическую базу для современной филологии и культурологии (Egan, 2006; Greenblatt, 2010). Со-

ответственно, методология акцентирует лингвопоэтический и семиотический анализ для реконструкции символических значений в историческом контексте и демонстрации трагической силы мотивов смерти/скорби в шекспировской драме.

Анализ и результаты. Цветы и траур в Гамлете. В Гамлете флористическая символика центральна для репрезентации смерти и скорби. Ключевой эпизод – «раздача» цветов обезумевшей Офелией (IV.5), где эмблематические растения адресуются Лаэрту, Гертруде и Клавдию и проговаривают её страдание через конвенциональные смыслы: розмарин – «для памяти» Лаэрту (память, верность; напоминание о Полонии и о себе) myshakespeare.com; анютины глазки (pansies) – «для дум» (меланхолические размышления) myshakespeare.com; фенхель и водосбор (columbine) – королю/королеве (льстивость/вероломство; неверность) myshakespeare.com; рута («трава благодати», покаяние/печаль) – Гертруде и себе: «носите руту по-разному» (покаяние; разделённое горе) myshakespeare.com; ср. заметки о Ruta graveolens littlefarmhouseflowers.com; маргаритка (daisy, невинность/верность), здесь не дарится – намёк на отсутствие места для невинности myshakespeare.com; фиалки (верность/чистота; ранняя смерть): «я дала бы вам фиалки, но они увяли, когда умер мой отец» – знак гибели радости и траура shakespeare.org.uk. Лаэрт называет это «document in madness» связное свидетельство «языком цветов»; каждый знак обвиняет придворные пороки (забвение, измену, непокаяние, утрату невинности), усиливая трагический эффект shakespeare.org.uk. В речи Гертруды Офелия сама «офлоревлена»: под ивой у ручья, плетя венки, она падает и «как русалка» плывёт среди цветков – пастораль, завуалирующая смерть; ива традиционно маркирует покинутых женщин, уносимые течением цветы зеркалят утрату любви/жизни shakespeare.org.uk. У могилы Лаэрт восклицает: «Положите её в землю; и пусть из её чистого тела взойдут фиалки!» (память о чистоте) litcharts.com; Гертруда бросает «сладости – сладкой», закрепляя юность/красоту Офелии флористическим ритуалом shakespeare.org.uk.

Ива и роза в Отелло. Два растительных эмблемата конструируют мотив утраты: ива и роза. «Песня ивы» Дездемоны (IV.3) – переозвученная баллада — оплакивает оставленность под зелёной ивой, предвосхищая её участь shakespeare.org.ukshakespeare.org.uk; opensourceshakespeare. Orgopensourceshakespeare.org. Известная с 1580-х (первоначально о мужской жертве), у Шекспира она феминизирована и превращена в предсмертный тренос shakespeare.org.uk; сцена даёт Дездемоне и Эмилии медиум для высказывания горя и критики мужской измены shakespeare.org.uk. В V.2 розовая метафора Отелло кристаллизует необратимость: «When I have plucked the rose…» –желание (бальзам розы) и ревность (срыв) борются на пороге убийства; красота и смерть слиты в одном эмблемате.

Слияние любви и смерти через цветы в Ромео и Джульетте. Пьеса сцепляет любовь и смерть через травы/цветы. Травологическая речь брата Лоренцо – земля как «и чрево, и могила», растения как лекарство и яд – формулирует дуальность жизнь/смерть, движущую сюжет; «сонное зелье» трагически оживляет ботанику при ошибочном распознавании shakespeare-navigators. ewu.edu; shakespeare-navigators.ewu.edu. В ложных похоронах граф Парис усыпает цветами «брачное ложе» Джульетты в усыпальнице – «Sweet flower…», совмещая брачный и погребальный коды myshakespeare.com; shakespeare-navigators.ewu.edu. Розмарин, употреблявшийся и на свадьбах, и на похоронах, маркирует память, связывая радость и траур в одном эмблемате shakespeare.org.uk. В склепе Ромео вновь уподобляет Джульетту цветку, поцелуем и «румянцем» яда на «лепестках» усиливая парадокс любовь/смерть. Тем самым розмарин, роза и целебно-ядовитые травы одновременно кодируют чистоту/красоту/юность и тлен/безысходность, структурируя идейное ядро пьесы.

Иные трагические примеры.Вне трёх пьес растительные образы также медиируют распад и утрату. В Короле Лире «венец» из сорных трав/полевых цветов инсценирует низложение через диадему «дикой природы» – визуальную метафору психического и политического крушения books .google.cd. В Макбете совет леди Макбет – «выглядеть как невинный цветок, но быть змеёй под ним» (I.5) – превращает цветок в маску убийственного замысла, связывая флористическую невинность с механизмом смерти. В Юлии Цезаре и Антонии и Клеопатре растительные мотивы редки, но природная символика постоянно сгущает трагическую атмосферу.

Заключение и рекомендации. Суммируя анализ, флористико-ботаническая образность выступает ключевым поэтическим инструментом артикуляции смерти и утраты в шекспировской трагедии. Цветы одновременно маркируют красоту и преходящесть, придавая скорби и кончине зримую аффективную форму; эмблематические детали – увядшая фиалка Офелии и «ивовые слёзы» Дездемоны – усиливают отклик аудитории, что является одной из характерных драматургических удач Шекспира. В культурной среде Шекспира флористический код был общеупотребим, и поэт использует его с точностью: один знак способен предвосхитить катастрофу («Песня ивы») или озвучить немую скорбь (букет Офелии); напротив, единичная эмблема может слить противоположности

– в Ромео и Джульетте розмарин и роза участвуют одновременно в свадебном и погребальном сценариях. Результаты показывают, что растительная образность – не орнамент, а культурно-семиотический код, направляющий действие, углубляющий интериорность и подающий смысловые сигналы зрителю (Lotman, 1990; Eco, 1976). Так, сцена раздачи цветов кодирует и личное страдание, и критику положения женщин в патриархальной культуре (Showalter, 1985; Thompson & Taylor, 2006); «Песня ивы» предвосхищает участь Дездемоны (Neely, 1985); травологический дискурс брата Лоренцо моделирует дуальность жизнь/смерть (Thomas, 1983; Shapiro, 2005). В лингвопоэтическом плане эти образы не только создают эстетическую красоту, но и преломляют этико-философскую оптику эпохи (Greenblatt, 2010). Интеграция контекстуального и символического анализа прояснила интертекстуальные связи и культурные истоки (Bath, 1994; Manning, 2002), позволив рассматривать природную образность как семиотическую систему с лингвистической, эстетической и историко-духовной значимостью.

Флористические и травные эмблемы Шекспира образуют сложную семантическую систему, художественно конденсирующую размышления о жизни, смерти, любви, памяти и непостоянстве; это даёт теоретические дивиденды лингвопоэтике, семиотике и культурологии и задаёт платформу для дальнейших филологических исследований.

Список использованной литературы:

(1). Abjalova M.A. (2020). Tahrir va tahlil dasturlarining lingvistik modullari [Linguistic modules of editing and analysis software]. Toshkent, “Nodirabegim”.

(2). Alciato A. (1531). Emblemata. Augsburg. Heinrich Steyner.

(3). Bakhtin M.M. (1981). The dialogic imagination: Four essays (M.Holquist, Ed.; C.Emerson & M.Holquist, Trans.). University of Texas Press.

(3). Bath M. (1994). Speaking pictures: English emblem books and Renaissance culture. Longman.

(4). Bloom H. (1999). Shakespeare. The invention of the human. Riverhead Books.

(5). Cavanagh C. (1994). Lyric poetry and modern politics. Russia, Poland, and the West. Yale University Press.

(6). Dowden E. (1875). Shakespeare: A critical study of his mind and art. Henry S. King & Co.

(7). Eco U. (1976). A theory of semiotics. Indiana University Press.

(8). Egan G. (2006). Green Shakespeare. From ecopolitics to ecocriticism. Routledge.

(9). Ellacombe H.N. (1878). The plant-lore & garden-craft of Shakespeare. Satchell & Co.

(10). Fowler R. (1986). Linguistic criticism. Oxford University Press.

(11). Garber M. (2004). Shakespeare after all. Anchor Books.

(12). Gerard J. (1597). The herbal or general history of plants (Facsimile edition). Mir.

(13). Greenblatt S. (2010). Will in the world: How Shakespeare became Shakespeare. WW.Norton.

(14). Hamilton E. (1998). Mythology: Timeless tales of gods and heroes. Grand Central Publishing.

(15). Harrison P. (1991). The Bible, Protestantism, and the rise of natural science. Cambridge University Press.

(16). Karasik V.I., Sternin I.A. (Eds.). (2007). Antologiya kontseptov. Slovar' [Anthology of concepts. Dictionary]. Gnozis.

(17). Lotman Y.M. (1990). Universe of the mind. A semiotic theory of culture (A.Shukman, Trans.). Indiana University Press.

(18). Lyte H. (1578). A niewe herball, or historie of plants. Henry Bynneman.

(19). Manning J. (2002). The emblem. Reaktion Books.

(20). Neely C.T. (1985). Broken nuptials in Shakespeare’s plays. Yale University Press.

(21). Qosimov B. (2004). Shekspir poetikasi [Shakespeare’s poetics]. Fan.

(22). Seaton B. (2012). The language of flowers: A history. University of Virginia Press.

(23). Shakespeare Birthplace Trust. (2023). Shakespeare’s flowers and plants. https://www.shakespeare.org.uk

(24). Shakespeare W. (various editions). Hamlet, Othello, Romeo and Juliet. Oxford University Press.

(25). Shapiro J. (2005). A year in the life of William Shakespeare. 1599. HarperCollins.

(26). Showalter E. (1985). Representing Ophelia: Women, madness, and the responsibilities of feminist criticism. In P.Parker & G.Hartman. (Eds.), Shakespeare and the question of theory (pp. 77–94). Methuen.

(27). Spurgeon C.F.E. (1935). Shakespeare’s imagery and what it tells us. Cambridge University Press.

(28). Ter-Minasova S.G. (2000). Реальный мир, культура, язык [The real world, culture, language]. In Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and intercultural communication] (pp. 35–87). Slovo/Slovo.

(29). Terras V. (1992). A history of Russian literature. Yale University Press.

(30). Thompson A. (1992). Hamlet. Arden Shakespeare.

(31). Thompson A.,Taylor N. (Eds.). (2006). Hamlet. The Arden Shakespeare, third series. Arden Shakespeare.

(32). Thomas K. (1983). Man and the natural world. A history of the modern sensibility. Pantheon Books.

(33). Utah Shakespeare Festival. (2019). Ophelia’s garden. Symbolism of flowers in Hamlet.https://www.bard.org